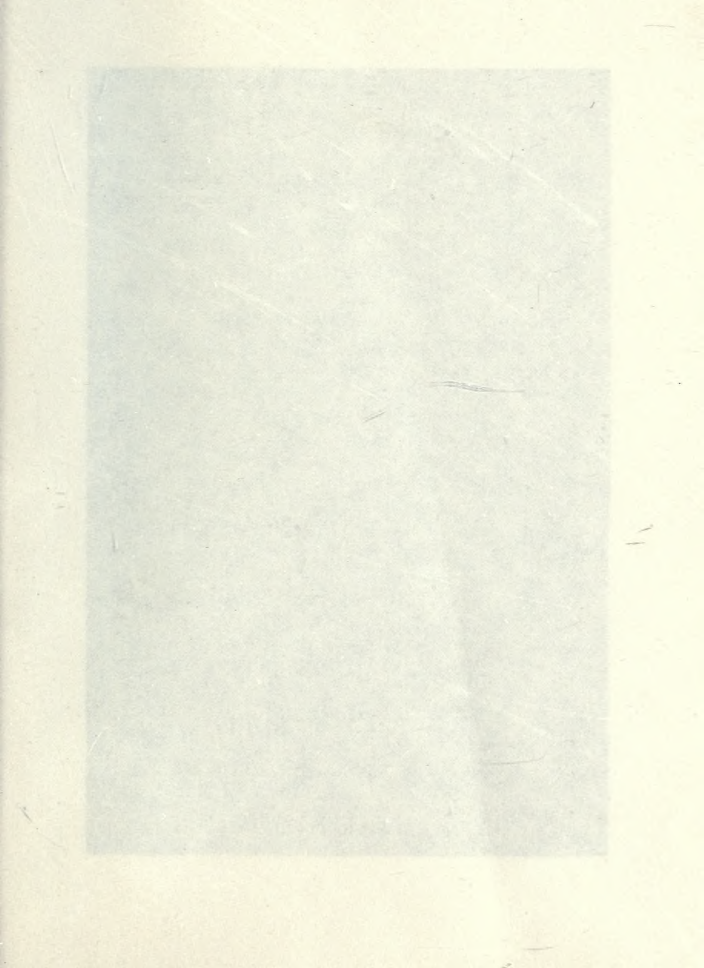

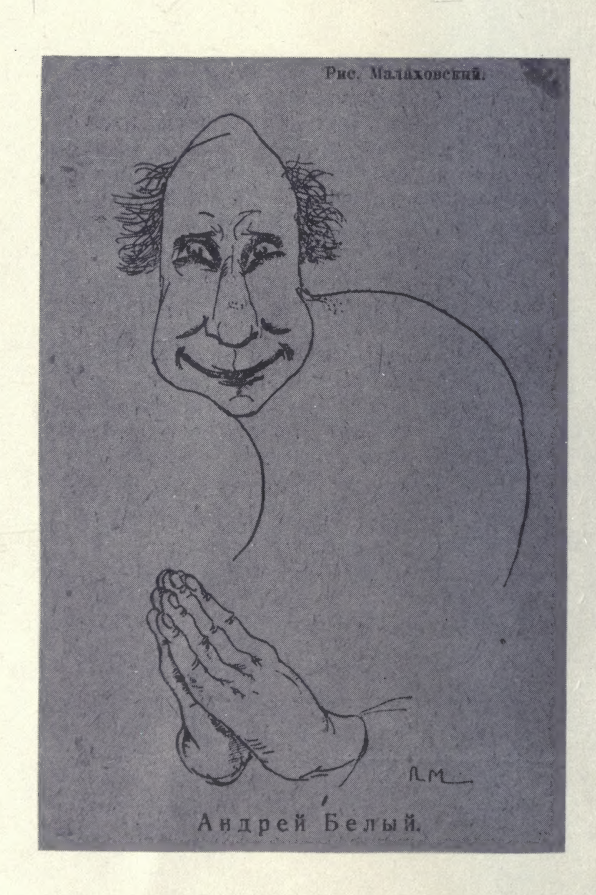
Bely, Andrey
Stikhi o Rossii

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

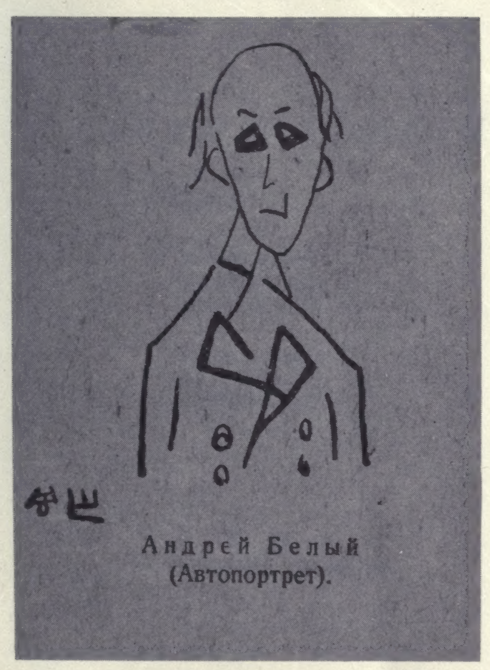
СТИХИ О РОССІИ

ЭПОХА

Андрей Белый.

Андрей Белый
(Автопортрет).

ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
ВЕРЛИНЪ

ОБЛОЖКА
РАБОТЫ
ГР. ГЛИКМАНА

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

СТИХИ О РОССІИ

Stikhi

ЭПОХА
БЕРЛИНЪ | MCMXXII

LIBRARY
JUL
1922

СТИХИ О РОССІИ

ИЗЪ ОКНА ВАГОНА

Поѣздъ плачется: въ дали родныя
Телеграфная тянется сѣть.
Пролетаютъ поля росяныя;
Пролетаю въ поля: умереть.

Пролетаю: такъ пусто, такъ голо!..
Пролетаютъ — вонъ тамъ; и вотъ здѣсь —
Пролетаютъ: за селами — села...
Пролетаютъ: за весями — весь.

И погостъ, и кабакъ, и ребенокъ,
Засыпающій тамъ, у грудей:
Тамъ — убогія стаи избенокъ;
Тамъ — убогія стаи людей.

Мать Россія, тебѣ мои пѣсни, —
О нѣмая, суровая мать:
Здѣсь и глуше мнѣ дай и безвѣстнѣй
Непутевую жизнь отрыдать...

Поѣздъ плачется: въ дали родныя
Телеграфная тянется сѣть
Тамъ — въ пространства твои росяныя:
Съ буреломомъ осеннимъ гудѣть.

1908. Августъ.

ВОЛЯ

За мною грохощучій городъ
На склонѣ палящаго дня.
Ужъ вѣтеръ въ разстегнутый воротъ
Прохладой цѣлуетъ меня.

Въ пространство бѣжитъ — убѣгаетъ
Далекая лента шоссе.
Лишь перепелъ сѣрый мелькаетъ,
Взлетая, ныряя въ овсѣ.

Разсыпались по полю галки.
Въ деревнѣ блеснулъ огонекъ.
Иду: за плечами на палкѣ
Дорожный виситъ узелокъ.

Слагаются темныя тѣни
Въ узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колѣни
На грудѣ дорожныхъ камней.

Слетается сумракъ крылатый
Въ одно роковое кольцо.
Уставился столбъ полосатый
Мнѣ цифрой упорной въ лицо.

1904. Августъ.

ВОЛЯ

Здравствуй, —
— Желанная
Воля
Свободная! —
— Воля
Побѣдная
Даль —
Осіянная —
— Холодная!
Блѣдная!

Вѣтеръ проносится, желтыя травы колебля, —
Цвѣтики поздніе, бѣлые.
Палъ на холодную землю.

Странны размахи упругаго стебля,
Вольные, смѣлые.
Шелесту внемлю.
        Тише...
        Довольно: —
                — Цвѣтики
                Поздніе, блѣдные, бѣлые, —
                Цвѣтики,
                Тише...

Я плачу: мнѣ больно!...

1904. Августъ.

КАТОРЖНИКЪ

Бѣжалъ. Распростился съ конвоемъ.
Въ лѣсу обагрилась земля.
Я крался надъ вѣчнымъ покоемъ,
Жестокую месть утоля, —

Сжимая безжизненный посохъ
Холодною, твердой рукой;
Я сталъ на суровыхъ откосахъ,
Поникъ надъ родною рѣкой.

На камень упалъ бѣлъ-горючій,
Закутался въ сѣрый халатъ;
Глядѣлъ на косматыя тучи,
Глядѣлъ на багровый закатъ.

Въ пространствахъ, гдѣ вспыхивалъ пламень,
Повисъ сиротливый дымокъ.
Я гладилъ и землю, и камень,
И ржавые обручи ногъ.

Навѣкъ распростился съ Сибирью;
Прости ты, родимый острогъ,
Гдѣ годы надъ водною ширью
Въ желѣзныхъ цѣпяхъ изнемогъ; —

Гдѣ годы встрѣчалъ я со страхомъ
Едва прозябающій день;
И годы тяжелымъ размахомъ
Я молотъ кидалъ на кремень;

Гдѣ жизнь я кидалъ, проклиная,
Лихой, клокотавшей пургѣ;
Гдѣ ѣдкая стужа, стальная,
Сжигала вѣтрами въ тайгѣ.

Гдѣ до-крови въ холодѣ мглистомъ
Подъ жалобой плачущій кличъ,
Изъ воздуха падая свистомъ
Кусалъ меня бѣшенный бичъ.

1905. Іюль.

Тѣ же росы, откосы, туманы...
Надъ бурьянами рдяный восходъ.
Холодѣющій шелестъ поляны,
Голодающій, бѣдный народъ.

И въ раздольѣ, на волѣ — неволя...
И суровый, свинцовый нашъ край
Намъ бросаетъ съ холоднаго поля,
Посылаетъ намъ крикъ: „Умирай".

Небо дымные пологи броситъ...
Тѣ же стаи несытыхъ смертей, —
Надъ откосами косами косятъ,
Надъ откосами косятъ людей.

1908. Августъ.

ПОЛЕВОЙ ПРОРОКЪ

Средь каменьевъ меня затерзали,
Затерзали пророка полей.
Я на кость — полевыя скрижали —
Проливаю цвѣточный елей.

Облеченъ въ лошадиную кожу,
Песью челюсть воздѣвъ на чело,
Ликованьемъ окрестность встревожу, —
Какъ прошло: все прошло — отошло!

Разразитесь призывныя трубы
Надъ раздольемъ осеннихъ полей!
Въ хмурый сумракъ оскалились зубы
Величавой короны моей.

Поле — домъ мой. Песокъ — мое ложе.
Пологъ — дымъ росянистыхъ полянъ.
Загорбатится съ палкой прохожій —
Присѣдаю покорно въ бурьянъ.

Нынѣ, странники, съ вами я: скоро-жъ
Дымнымъ дымомъ отъ васъ пронесусь —
Я — просторовъ рыдающій сторожъ —
Исходившій Великую Русь.

1907. Январь.

ДЕРЕВНЯ

Снова въ полѣ, обвѣваемъ
Легкимъ вѣтеркомъ.
Поле всхлипываетъ лаемъ
За глухимъ селомъ.

Протопорщился избенокъ
Криворотый строй,
Будто сѣрыхъ старушенокъ
Полоумный рой.

Ощетинились ихъ спины,
Какъ сухая шерсть.
День и ночь струятъ равнины
Въ нихъ сѣдую персть.

Такъ изъ пепельныхъ волоконъ
Павъ на лысъ бугоръ,
Смотрятъ отблесками оконъ
Въ голубой просторъ.

Съ огородовъ надъ полями
Плещется лоскутъ...
Здѣсь встрѣчаютъ дни за днями —
Ничего не ждутъ.

Дни за днями, годъ за годомъ...
Вновь: за годомъ — годъ...
Недородъ за недородомъ...
Здѣсь — глухой народъ!

Знойный токъ и жжетъ и жаритъ.
Паритъ: быть грозѣ.
Тучей вставъ, она ударитъ
Молньей въ бирюзѣ.

Свѣточъ бѣшено багровый
Грохнетъ, тучи взрывъ:
Съ кручи кустъ многовѣнцовый
Хряснетъ подъ обрывъ.

1908. Іюнь.

РОССІЯ

Довольно: не жди, не надѣйся, —
Разсѣйся, мой бѣдный народъ!
Въ пространство пади и разбейся
За годомъ мучительный годъ.

Вѣка нищеты и безволья...
Позволь же, о родина мать,
Въ сырое, въ пустое раздолье,
Въ раздолье твое прорыдать, —

Туда, на равнинѣ горбатой,
Гдѣ стая зеленыхъ дубовъ
Волнуется купой подъятой
Въ косматый свинецъ облаковъ,

Гдѣ по-полю оторопь рыщетъ,
Возставъ сухорукимъ кустомъ,
И въ вѣтеръ пронзительно свищетъ
Вѣтвистымъ своимъ лоскутомъ,

Гдѣ въ душу мнѣ смотрятъ изъ ночи,
Возставши надъ сѣтью бугровъ,
Жестокія, желтыя очи
Безумныхъ твоихъ кабаковъ, —

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея, —
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя.

1908. Іюль.

БУРЬЯНЪ

Кляну я, рыдая свой жребій.
Друзья и жена — далеки.
Холодныя облаки въ небѣ
Влекутъ ледяные клоки.

Порывъ разгулявшейся стужи
Въ поляхъ разорвется, какъ плачъ.
Вонъ тамъ — изъ серебряной лужи
Льетъ воду взлохмаченный грачъ.

Вонъ тамъ — моимъ возгласамъ внемлетъ
Жилецъ просырѣвшихъ полянъ —
Вонъ колкія руки подъемлетъ
Обсвистанный вѣтромъ бурьянъ.

Ликуетъ, танцуетъ: „Скитальцы,
„Ища свой пріютъ, припадутъ
„Ко мнѣ: мои цѣпкіе пальцы
„Ихъ кудри навѣкъ оплетутъ“.

„Здѣсь буду тебя я царапать,
„Томить, поцѣлуемъ клонясь...“
Но топчетъ истрепанный лапоть
Упорнѣе жидкую грязь.

За мною шуршитъ до деревни
Колючее, злое рѣпьё...
Пропью, прогуляю въ харчевнѣ
Растертое грязью тряпьё.

Ждутъ: голодъ да холодъ ужотко,
Тюрьма да сума — впереди.
Свирѣпая, крѣпкая водка
Огнемъ разливайся въ груди!..

1906. Августъ.

РОДИНѢ — МАТЕРИ

Я вышелъ изъ бѣдной могилы.
Никто меня не встрѣчалъ —
Никто: только кустикъ хилый
Облетѣвшей вѣткой кивалъ.

Я сѣлъ на могильный камень...
Куда мнѣ теперь итти?..
Куда свой потухшій пламень —
Потухшій пламень нести?

Собрала ихъ ко мнѣ — могила.
Забыли все съ того дня.
И та, что, быть можетъ, любила —
Не узнаетъ теперь меня.

Испугаю ихъ темью впадинъ;
Постучусь — они дверь замкнутъ.
А здѣсь — отъ дождя и градинъ
Не укроетъ истлѣвшій лоскутъ.

Нѣтъ: спрячусь подъ душныя плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна вѣнкомъ разбитымъ
Не устанешь надъ сыномъ рыдать.

1907. Январь.

РОССІЯ

Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое...
И — въ воѣ злой зимы...
Волненіе, кипѣніе мірское!
Плѣненные умы!

Всѣ грани чувствъ, всѣ грани правды стерты:
Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ —
Одни тѣла, тѣла, тѣла простерты...
И — праздный прахъ...

Въ грядущее проходимъ — строй за строемъ
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...
Грядущее, какъ прошлое, покроемъ
Лишь грудой тушъ...

Въ мятежъ міровъ, въ немаревныя муки,
Когда то спасшій насъ, —
Простри-жъ и Ты измученныя руки, —
Въ который разъ!

1916. Октябрь.

ДЕРЕВНЯ

Едва яснѣютъ огоньки.
Мутнѣютъ склоны, долы, дали.
Висятъ далекіе дымки,
Какъ безглагольныя печали.

Изъ синей тьмы летитъ порывъ.
Полыни плещутъ при дорогѣ.
На тучахъ — глыбахъ грозовыхъ —
Летуче блещутъ огнероги.

Невыразимое — нѣжнѣй...
Неотразимое — упорнѣй...
Невыразимы бѣги дней,
Неотразимы смерти корни.

Въ горючей радости ночей
Ключи ея упорнѣй бьются:
Въ кипучей сладости очей
Мерцаньемъ маревнымъ мятутся.

Благословенны: жизни токъ,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленѣющій листокъ,
И — ветхій корень придорожный.

1916. Іюнь.

РОССІИ

Въ годины праздныхъ испытаній,
Въ годины мертвой суеты —
Затвердѣнѣй алмазомъ брани
Въ перегорѣвшихъ угляхъ — Ты.

Возстань въ сердцахъ, сердца исполни!
Произрастай нашъ край родной
Неодолимымъ блескомъ молній
Неопалимой купиной.

Изъ моря слезъ, изъ моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты простираешь въ высь, какъ руки,
Свои святыя пламена —

Туда, — въ разрывы грозной эры
И въ визгъ космическихъ стихій, —
Туда, — въ свѣтлѣющія сферы,
Въ грома летящихъ іерархій.

1916. Октябрь.

ВЪ ПОЛЯХЪ

Въ волнахъ золотистаго хлѣба
По прежнему вѣтеръ бѣжитъ,
По прежнему нѣжное небо
Надъ зорями грустно горитъ.

Въ эѳирныя, синія зыби
Лети литургія моя, —
Въ землѣ, упадающей глыбѣ,
О, небо, провижу тебя.

Алмазами душу наполни,
Родной стариною дыша:
Изъ свѣточей, блесковъ и молній
Сотканная, — плачетъ душа!

Все вспомнилось: прежнимъ привѣтомъ
Слетаетъ въ невольный мой стихъ
Архангелъ, клокочущій свѣтомъ
На солнечныхъ крыльяхъ своихъ.

1914. Май.

РОССІЯ

Пылай, огневая стихія,
Въ столбахъ громового огня:
Россія, Россія, Россія,
Безумствуй, сжигая меня.

Въ Твои роковыя разрухи,
Въ глухія Твои глубины —
Струятъ крылорукіе духи
Свои свѣтозарные сны.

Не плачьте: склоните колѣни, —
Туда, въ ураганы огней,
Въ грома серафическихъ пѣній,
Въ потоки космическихъ дней.

Сухія пустыни позора,
Моря неизливныя слезъ, —
Лучомъ безглагольнаго взора
Согрѣетъ сошедшій Христосъ.

Пусть въ небѣ и Кольца Сатурна,
И млечныхъ путей серебро:
Кипи фосфорически бурно
Земли огневое ядро.

И ты, громовая стихія,
Безумствуй, сжигая меня:
Россія, Россія, Россія —
Мессія грядущаго дня.

1917. Августъ.

ВѢСТЬ РОССІИ

Открылось!.. Вѣсть — весенняя: ударъ —
молніеносный...
Разорванный,
Пылающій,
Блистающій
Покровъ.
Въ грядущія, громовыя,
Блистающія
Весны,
Какъ въ радуги прозрачныя, спускается —
Христосъ!

И голосъ поднимается изъ огненнаго облака:
— „Вотъ —
„Чаша
„Благодатная,
„Исполненная дней!“
И огненные голуби изъ огненнаго воздуха
Раскидываютъ свѣточи, какъ два крыла —
— надъ Ней.

1914. Май.

Вѣстью овѣяны,
Души простремъ
Въ свѣтомъ содѣянный
Радостный громъ

Въ неописуемый,
Въ огненный годъ, —
Духомъ взыскуемый
Голубь сойдетъ.

1918. Февраль.

РОССІИ

Россія — Ты?.. Смѣюсь, и — умираю...
И — ясный взоръ ловлю...
Невѣроятная, — Тебя я знаю:
Въ невѣроятностяхъ люблю.

Какъ красные, мелькающіе маки, —
Мелькающіе мнѣ, —
Какъ бабочки, мелькающіе знаки
Летятъ на грудь ко мнѣ.

Прими мои нѣмѣющія руки,
Исполненныя тьмой, —
Туда: въ Твои незнаемые муки
Слетаетъ разумъ мой.

Судьбой — Собой — ты чашу дней наполни.
И — чашу дней: испей!
Волною молній душу преисполни!
Мечами глазъ добей!

Блаженствую: и тихо замираю,
И — ясный взоръ ловлю.
Я — знаю все... Я ничего не знаю...
Люблю, люблю, люблю!

1918. Май.

АНТРОПОСОФІИ

Русскому будущему.

Изъ глубины проговорившей ночи
Въ моемъ окнѣ
Нежданныя, сіяющія очи
Восходятъ мнѣ.

Блистаетъ лучъ изъ ясной рукояти,
Какъ острый мечъ.
Мой бѣдный умъ къ ногамъ смущенныхъ братій
Слетаетъ съ плечъ.

Я — обезглавленъ въ набѣжавшемъ свѣтѣ
Лучистыхъ глазъ.
Мы — вспыхнувшіе, вспыхнувшіе дѣти:
Не бойтесь насъ.

Проснулись мы, но для земли погасли.
Мы — тихій стихъ.
Мы — образуемъ солнечныя ясли,
Ребенокъ въ нихъ.

Слѣпую мглу бунтующей стихіи —
Преобрази!
Влекутъ меня Твои, Христософія,
Твои стези!

Ты снилась мнѣ, смѣясь, когда-то, гдѣ-то,
Сестра моя.
Люблю Тебя... Ты — персикова цвѣта
Цвѣтущая заря.

Какъ вешній вихрь, гласятъ неумолимо,
Гласятъ въ голубизнѣ, —
Твои слова, промчавшіяся мимо,
Но сказанныя — мнѣ.

Въ Твоихъ глазахъ блистаютъ воды, суши . . .
Бросаюсь въ нихъ.
Изъ глазъ Твоихъ я просіяю въ души,
Какъ тихій стихъ.

Пусть сердце, обезумѣвшая птица,
Въ нѣмой мольбѣ,
Взрывая грудь, какъ легкая зарница,
Летитъ — къ Тебѣ.

1918. Февраль.

МЫ, — РУССКІЕ

Братьямъ антропософамъ.

Мы взвиваемъ въ мірахъ неразвѣянный прахъ,
Угрожаемъ провалами мертвенныхъ лѣтъ.
Въ просіявшихъ пирахъ, въ отпылавшихъ мірахъ
Мы — летящая стая горящихъ кометъ.

Завиваемъ изъ дали спирали планетъ:
Заплетаются нити судьбинъ и growingинъ...
Мы — серебряный, зрѣющій, вѣющій свѣтъ.
Среди синихъ, таимыхъ, любимыхъ годинъ.

1918. Февраль.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Страница

JUL